

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

*На Большом
Каретном*

Фридрих Евсеевич Незнанский

На Большом Каретном

Серия «Марш Турецкого»

Текст книги предоставлен «КРПА Олимп»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169334

Незнанский Ф. Е. На Большом Каретном: Роман: АСТ, Олимп, Харвест;

М.; 2007

ISBN 5-17-041236-3, 5-7390-2000-X

Аннотация

Убийство, произошедшее ранним утром на Большом Каретном, потрясло всех, кто знал известного фотокорреспондента Юрия Толчева. В собственной спальне также убита его молодая жена, а сам Юрий погиб от выстрела в висок из пистолета, который хранился в его сейфе. Версия прокуратуры – ревность. Но у сотрудников агентства «Глория» есть иная версия. И тогда за дело берется жена А. Б. Турецкого, недавно окончившая курсы психологов-криминалистов.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	23
Глава третья	42
Глава четвертая	53
Глава пятая	68
Глава шестая	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Фридрих Незнанский НА БОЛЬШОМ КАРЕТНОМ

Глава первая

Несмотря на раннее апрельское утро, у подъезда дома уже кучковалась толпа возбужденных зевак, которая мгновенно оценила в подъехавшей оперативной машине «большое начальство» и молча расступилась, пропуская это самое «начальство» к распахнутой настежь двери.

МУР – он и в Африке МУР.

Едва Яковлев вошел в подъезд, как тут же столкнулся с начальником территориального отделения милиции, за которым в этот момент захлопнулась тяжеленная бронированная дверь квартиры. Полковник, хорошо знавший начальника МУРа, хмуро покосился на Яковлева и, увидев в его глазах безмолвный вопрос, только выругался негромко.

– Что, настолько все хреново?

– Хуже быть не может. Но главное... сейчас все московские писарчуки соловьями зальются. Что, да почему, да куда милиция смотрит.

И он снова выругался в сердцах.

Яковлев удивленно покосился на полковника. За все то время, что он знал этого уверенного в себе офицера, он не мог припомнить, чтобы тот находился в подобном состоянии.

– Ничего, разберемся, – буркнул он и кивнул на обитую светло-коричневой кожей дверь: – Там?

– Так точно.

Поднявшись на три ступеньки, которые вели на лестничную площадку, Яковлев потянул на себя тяжеленную дверь и сразу же оказался в просторном, ярко освещенном холле, в котором неторопливо беседовали о чем-то, покуривая, сравнительно молодой следователь межрайонной прокуратуры и капитан Майков, старший оперуполномоченный убийного отдела МУРа. Увидев на пороге своего шефа, Майков сунул сигарету в стеклянную банку, которую держал в руке Самедов, и вытянулся перед генералом. Хотел, видимо, доложить обстановку, однако Яковлев тут же перебил его:

– В двух словах.

– Ну а если в двух словах, – отозвался Самедов, – то господин Шекспир с его Отеллой просто отдыхают.

И повел рукой, приглашая начальника МУРа своими глазами убедиться в страстях человеческих, которые «господину Шекспиру» в его-то Средневековье даже присниться не могли. Не говоря уж о том, чтобы все это вывести на страницах какой-либо пьесы.

Яковлев прошел в огромную, также ярко освещенную

комнату, которая, судя по всему, служила владельцу этой огромной квартиры и мастерской и залой, в которой принимали гостей, и невольно передернул плечами. Разбросанные стулья из дорогого гарнитура и перевернутый стол, осколки разбитых и растоптанных бокалов, размазанные по полу салаты и еще какая-то колбасно-рыбная хренотень, видимо сброшенная со стола во время драки, происшедшей в этой огромной мастерской фотомастера, со стен которой осуждающе смотрели глаза стариков и старух, бродяг, пьяниц и наркоманов, запечатленных в какие-то особенные моменты их жизни.

Но главное, на чем поймал себя невольно Яковлев, все они смотрели не в пустоту, а на пятна уже подсохшей крови, выделявшиеся на желтоватом, под цвет сосны, паркете.

Яковлев вопросительно покосился на капитана, и тот, по своему поняв молчаливый вопрос генерала, тяжело вздохнул и показал рукой на приоткрытую дверь в дальнем конце мастерской, из-за которой доносились невнятные голоса. И добавил, вновь тяжело вздохнув:

– Это там, товарищ генерал.

Задержавшись еще раз взглядом на забранных в портретные рамки глазах, Яковлев прошел в дальний конец мастерской, потянул на себя деревянную, такого же цвета, что и паркет, дверь и остановился на порожке, невольно скривившись.

Комната оказалась спальней, и здесь, на широченной кро-

вати, больше похожей на теннисный корт без сетки, лежал окровавленно-изуродованный труп обнаженной молодой женщины.

Немало повидавший за годы работы в милиции и, казалось бы, уже давно привыкший к трупам, однако не растерявший за эти годы чувства сострадания и сопереживания, Яковлев невольно повел плечами и на долю секунды закрыл глаза, стараясь не показать своих чувств. Он уже знал, о ком будут верещать московские газетенки, расписывая убийство на Большом Каретном, однако не мог не повернуться с вопросом к капитану, который держался чуть позади генерала.

– Толчева?

– Так точно. Мария Толчева. Жена фотографа, которому и принадлежит эта квартира.

Недовольно скривившись, Яковлев покосился на старшего оперуполномоченного убойного отдела. В докладах он превыше всего ценил точность и краткость, а здесь... фотограф... квартира... Во-первых, Юрий Толчев был не фотографом, как назвал его Майков, а известным на всю страну фотокорреспондентом столичного еженедельника, мэтром фоторепортажа, а во-вторых... Это была не просто квартира, а выделенная ему московским правительством студия, мастерская, в которой он, видимо в силу каких-то личных причин, и жил со своей женой. Однако счел за лучшее не делать капитану замечаний и только произнес устало:

– Хорошо. Свободен.

Однако Майков продолжал стоять за его спиной, и генерал, не обращая на него внимания, еще раз обвел глазами комнату, стараясь ухватить те почти неуловимые нюансы, которые могли остаться незамеченными как еще не оперившимся следователем межрайонной прокуратуры, так и операми, которые не могли отличить мастера фоторепортажа от «фотографа».

Чуть в стороне от порога лежало ружье, из которого, видимо, и была застрелена Мария Толчева. Судя по резному ложу, это была сделанная на заказ двустволка двенадцатого калибра.

– М-да, Шекспир здесь может отдыхать.

Даже не заметив, как в комнату вошел следователь, Яковлев повернулся на голос:

– Что, думаешь ревность?

Самедов пожал плечами. Мол, и думать здесь нечего, даже ежу все понятно. Мочилово на почве ревности.

– Похоже, действительно так, товарищ генерал, – поддержал следователя Майков. – Это вы видели только часть общей картины, а когда увидите все... – Замолчал было, однако не выдержал и добавил зло: – Из двух стволов бабахнул свою женушку. Видать, наболело у мужика.

Яковлев промолчал и вновь перевел взгляд на окровавленный труп молодой женщины. И хотя заряд дроби, выпущенной в упор, обезобразил ее грудь, но даже сейчас она оставалась красивой в своей страшной обнаженности.

– Бог ты мой, – пробормотал Самедов, – как же можно ненавидеть свою собственную жену, чтобы вот так, в упор...

Яковлев повернулся к капитану:

– Кто сообщил о случившемся?

– Хозяин квартиры, что на втором этаже. Утверждает, будто сначала слышал страшный женский визг, потом выстрел, крики, а спустя какое-то время, когда он уже звонил по ноль два, еще один выстрел, но более тихий.

Видимо понимая, насколько скучна для начальника МУРа эта информация, Майков виновато развел руками:

– С ним сейчас на кухне прокуратура работает.

Страшный женский визг, ружейный выстрел, который заставил соседа соскочить с собственной кровати, крики... Картинка происшедшего вырисовывалась более-менее четко, правда, оставались «нюансы», от которых уже сейчас тошно становилось на душе. Крики, судя по всему мужские, и тот второй выстрел, который сосед слышал, когда уже звонил в милицию. А если говорить точнее, то это был уже третий выстрел. Первые два, спущенные дуплетом, слились для него в единый пушечный залп.

– Тот, последний, выстрел тоже ружейный?

Майков отрицательно качнул головой:

– Пистолетный.

Яковлев недоуменно уставился на капитана:

– Не понял!

– Да все очень просто, товарищ генерал, – попытался объ-

яснить молчавший до этого Самедов. – Последний выстрел, который услышал свидетель, действительно был пистолетный. «Макаров». Он у Толчева в сейфе, в рабочем кабинете, хранился.

Недовольно покосившись на капитана, который явно робел и терялся в присутствии начальника МУРа, Яковлев кивком поблагодарил Самедова и снова повернулся к Майкову:

– Где он?

– Убийца?

– Толчев! – свистящим шепотом, более похожим на рык, произнес Яковлев.

– Ну да, я и говорю, – засуетился вконец растерявшийся Майков, явно не понимавший, *что именно* заставило все- сильного начальника МУРа примчаться в этот ранний час на место явно бытового преступления, тогда как по Москве почти каждую ночь совершаются и более серьезные убийства. – Толчев! Хозяин квартиры! Да там же, где и был, в соседней комнате. С ним сейчас судмедэксперт работает.

– Проводи!

Яковлев резко развернулся и, невольно бросив последний взгляд на убитую, первым вышел из спальни, в которой, казалось, уже каждый сантиметр пространства был пропитан приторно-тошнотным запахом крови.

М-да, подобные зрелища не для слабонервных людей. И память с трудом освобождается от подобного.

Комната, дверь которой предупредительно распахнул все тот же Майков, по объему была такой же, как и спальня, однако настолько разительно отличалась от «любовного гнездышка», в котором нашла свой конец Мария Толчева, что этого невозможно было не заметить. Причем даже не столько обстановкой – огромный письменный стол, заваленный ворохом каких-то бумаг, пленками и уже проявленными фотографиями, среди которых почти затерялась старенькая пишущая машинка, явно диссонирующая с современным компьютерным «уголком», перед которым стояло столь же дорогое вращающееся кресло, обтянутое черной кожей. Книжные полки, заставленные офисными папками с архивом хозяина этого кабинета, и огромный, сделанный на заказ застекленный шкаф, полки которого снизу до потолка были забиты фотоаппаратурой и всеми теми причиндалами к ней, которые можно увидеть теперь только в музее.

Дальний полутемный угол заслонял огромный шкаф с небольшим сейфом внутри, в котором, видимо, Толчев и хранил свой пистолет. Дверцы обоих сейфов были распахнуты настежь.

Рабочий кабинет рабочего человека. И вполне естественным дополнением к этой картине было старенькое «вольтеровское» кресло, в котором сидел Юрий Толчев. И если бы не его поза: неестественно завалившаяся на грудь голова и столь же неестественно опущенная правая рука, свисавшая с кресла, можно было бы подумать, что уставший до чертиков

человек присел отдохнуть на пару минут и уснул надолго.

Обернувшись на дверной скрип и увидев стоявшего на пороге начальника МУРа, распрямился работавший с трупом судмедэксперт, однако Яковлев только кивнул ему и сам пошел к креслу, правая сторона которого, так же как и правое плечо Толчева, были залиты кровью.

Пуля, выпущенная из пистолета, вошла в височную область, а прямо под рукой, безжизненно свисавшей с кресла, лежал новенький «макаров».

Трагедия, происшедшая в этой комнате, не требовала особых пояснений, однако Яковлев все-таки спросил негромко:

– Самоубийство?

Судмедэксперт утвердительно кивнул:

– Явный самострел, товарищ генерал. Видимо, из-за того отчаяния, когда понял, что натворил, убив свою жену. А может, и от страха наказания.

Покосился на распахнутую дверцу сейфа и уже более уверенно произнес:

– Когда осознал, что натворил, то, видимо, сразу же хотел застрелиться. Однако ружье не пистолет, до спускового крючка не дотянешься, вот он и бросился к сейфу, в котором «макаров» лежал. Ну а потом... потом сел в кресло и...

– Короче, сам себя приговорил, – закончил его мысль Майков.

В просторной и вполне современной, в противовес старо-

модному кабинету, кухне, в чем сказывалась рука молодой жены Толчева, начальник отдела уголовного розыска допрашивал немолодого уже мужика в адидасовском спортивном костюме, соседа сверху, который и сообщил по ноль два о стрельбе под его квартирой. Увидев начальника МУРа, которого он знал в лицо, майор от земли¹ поднялся было ему навстречу, но Яковлев движением руки показал ему, чтобы тот продолжал допрос, и только попросил негромко:

– С самого начала, если можно.

Утвердительно кивнув, майор все-таки представил сначала свидетеля:

– Бешметов. Проживает на втором этаже этого дома и на данный момент является единственным человеком, который хоть что-то может рассказать о случившемся.

Кивком подтвердив сказанное майором, Бешметов, видимо уловивший в вошедшем крупное милицейское начальство, всем своим корпусом развернулся к Яковлеву и глубоким, хорошо поставленным голосом произнес:

– Совершенно верно, Бешметов Владлен Антонович. Живу как раз над этой квартирой. И насколько я догадываюсь, я единственный, кто сообщил о стрельбе в милицию, хотя не услышать первый выстрел было просто невозможно. Бабахнуло так, что на моей тумбочке склянки звякнули.

– Что за склянки? – не понял Яковлев.

– Лекарственные, – как о чем-то само собой разумеющем-

¹ Земля – территориальное отделение милиции.

ся, пояснил Бешметов. – Пузырьки да стакан с водой.

– Сердце?

– Оно самое. Уже года три, поди, как пошаливать стало, оттого и не спится порой ночами. Особенно под утро.

Сказал это и усмехнулся в усы:

– Оттого, видимо, и чуток стал, как старый филин. К каждому звуку прислушиваюсь. Так что слышал, как дверь в подъезде хлопнула, ну а потом уже...

И замолчал, видимо дожидаясь вопросов.

«Хлопнула наружная дверь в подъезде, ну а потом уже...»

Судя по тому, что в холле, прямо у порога, валялся объемистый замызганный рюкзак, рядом с ним теплая куртка, также брошенная на пол, а сам Толчев сидел в кресле в униформе защитного цвета, можно было догадаться, что он вернулся в неурочный час с охоты, и вот тут-то...

– Вы не могли бы уточнить, во сколько хлопнула дверь? – спросил Яковлев.

– Уточнить? – задумался Бешметов. – Уточнить. Ну-у с точностью до минуты, конечно, сказать не смогу, но как мне кажется, без четверти шесть или в шесть ровно. Я уже подремывать стал, а тут вдруг...

– Хорошо. А сколько времени прошло между хлопком двери и первым выстрелом?

– Ну-у, – замялся Бешметов, – я опять же таки точно сказать не могу, но, думаю, минут десять, не больше.

– И что, сразу выстрел?

– Нет, сначала женский крик. Впрочем, даже не крик, а страшный визг насмерть перепуганной женщины.

– И уже потом...

– Выстрел. И опять крик. Но уже мужской.

Яковлев утвердительно кивнул. Дуплет двенадцатого калибра поднимет на ноги даже мертвого, а тут всего лишь «склянки звякнули».

– И в этот момент вы стали звонить по ноль два?

– Да.

– А крики? Вы точно слышали, что это был мужской крик, а не женский?

– Без сомнения, – ответил Бешметов. – Женщины так не кричат, они... они визжат в подобных случаях.

Бешметов замолчал, почесал в затылке и как-то исподволь посмотрел на сидевшего по другую сторону стола мужика.

– Хотя, должен вам сказать, когда женщину подопрет и она с кем-нибудь ругается...

Яковлев покосился на майора, перевел взгляд на замолчавшего Бешметова. Свидетель, что называется, поплыл, и, чтобы его не сбить окончательно, надо было менять тему.

– Вы один живете в квартире?

– Боже упаси!

– А кто еще?

– Дочка с мужем да внук. Жена уже три года как померла, с тех пор и сердце пошаливать стало.

Яковлев сочувственно вздохнул:

– Что ж, примите мои соболезнования. —

И тут же: – Так, может, ваша дочь или ее муж что-то слышали?

– О чем вы говорите! – усмехнулся Бешметов. – Спят как сурки. Да и спальня ихняя в дальнем конце квартиры. Это моя комната над соседской зависла, и по весне, когда окна открыты...

– А вы хорошо знали Толчева?

Бешметов невразумительно пожал плечами и тут же уточнил:

– Толчев – это хозяин этой квартиры?

– Естественно.

И снова невразумительное пожатие плечами.

– Должен признаться, не очень хорошо. Так, здоровались, когда встречались, а чтобы более близко... Знал только, что он очень известный фотокорреспондент и ему в нашем доме то ли сам Лужков, то ли московское правительство выделили спаренную квартиру под мастерскую, в которой он и жил с женой.

Бешметов замолчал и виновато развел руками. Вот, мол, и все, чем могу быть полезен.

– А как часто Толчев ругался со своей женой? – подал голос майор.

– Как часто ругались?.. – повторил Бешметов. – Ну-у поначалу, когда он в наш дом свою жену привез, я вообще ничего подобного не слышал, правда, чуток позже...

Он замолчал, видимо припоминая свои бессонные ночи, когда каждый скрип в доме раздается в ушах, и неуверенно добавил:

– Правда, это даже не ругань была, а скорее поток женских обвинений в адрес мужа. И естественно, сопутствующие выражения из русского лексикона.

Поблагодарив за «ценную информацию» невольного свидетеля преступления, Яковлев вышел в холл и лицом к лицу столкнулся с начальником убойного отдела МУРа.

– Товарищ генерал... – вытянулся было тот, однако Яковлев только хмуро покосился на него, пробормотав при этом негромко:

– Нехорошо, полковник. Нехорошо.

Мгновенно догадавшись, что именно кроется за генеральским «нехорошо», Бойцов так же негромко произнес:

– Так я ведь здесь едва ли не с самого начала кручусь. Следом за бригадой приехал.

– Ну и?..

– Почти все задействованы на поквартирный опрос, но пока что ничего существенного. Рановато еще, Владимир Михайлович. Многие еще вообще не проснулись. Думаю, часам к девяти, а то и к десяти раскачаются. Вот тогда и пощупаем эту парочку.

Зная категоричность и, пожалуй, излишний максимализм начальника убойного отдела, который в неполные тридцать

пять лет стал полковником, Яковлев покосился на Бойцова:

– Насколько я догадываюсь, «парочка», которую ты хочешь «пощупать», – это Толчев с женой?

– С молодой женой, – счел необходимым уточнить Бойцов. – У них разница в возрасте двадцать лет.

– Ну и что с того? – нахмурился Яковлев.

– Да вроде бы ничего особенного, – пожал мощными покатыми плечами Бойцов, – если бы не загулы этой девицы, когда ее рогоносец в командировки уезжал.

– Что, проверенный факт? – спросил Яковлев, сопоставляя слова начальника убойного отдела с тем, что только что рассказал сосед Толчевых сверху.

– Участковый рассказал. А он здесь чуть ли не каждого жильца в лицо знает.

– Ну и?..

– Говорит, что поначалу, когда Толчеву в этом доме спаренную квартиру под студию выделили, все тихо было и добропорядочно. Никаких жалоб со стороны жильцов. Ну а чуть позже, когда он свою молодую жену привез и они поселились на этой площади...

Видимо не в силах сдержать своих чувств по отношению к молодой смазливой бабенке, которая вынудила своего мужа засадить в нее, козу трихопольную, заряд дробы из двух стволов, а потом и самого себя жизни лишиться, Бойцов матерно выругался, однако тут же взял себя в руки.

– Простите, Владимир Михайлович, но... Ненавижу я этих

коз, для которых ничего святого на свете нет. Из-за их блядства столько хороших оперов запили и с работой распростились, что...

Яковлев только хмыкнул на это. Он тоже знал немало мужиков, которые погорели на молоденьком женском теле, однако знал и таких, которые детишек нарожали и по сей день живут счастливой жизнью.

– Ладно, полковник, пока что все это лирика, а ежели по делу?

– В течение только этого года поступило несколько заявлений от жильцов дома, в которых они просили участкового принять соответствующие меры к жене Толчева. Мол, гулянки, пьянки, какие-то дебоши и разборки между ее гостями, порой, мол, до утра уснуть невозможно.

Яковлев кивнул. Все складывалось в единую логическую цепочку и... Впрочем, свое слово еще должен будет сказать следователь прокуратуры.

Да, цепочка, приведшая к этой трагедии, выстраивалась более чем стройная, и все-таки что-то не давало ему покоя. Ухватиться бы только за это «что-то».

Спросил негромко:

– Надеюсь, участковый хоть как-то отреагировал на эти заявления?

– Естественно. Проверял каждый факт, хотя и поймел от этого кучу дерьма и неприятностей.

– Выволочка по службе?

– Об этом он умалчивает, но эта сучка жаловалась на него в префектуру округа, требовала, чтобы «этот мент» не вмешивался в личную жизнь «добропорядочных» блядей, простите, людей, ну а оттуда уже звонили руководству управления и...

Далее можно было не продолжать, и Бойцов замолчал, невольно покосившись на дверь спальни, за которой уже навечно успокоилась молоденькая жена Толчева.

Молчал и Яковлев, пропустив мимо ушей бойцовское определение «добропорядочных людей», хотя его и передернуло невольно. Старая как мир история, еще раз подтвердившая истину, что грешен человек. Грешен! Однако не суди, да не судим будешь.

Подумав об этом, Яковлев усмехнулся своим собственным мыслям. Не суди... А как же тогда гражданская позиция? Видать, хреновато будет начальнику убойного отдела МУРа, когда отойдет в мир иной. Все, кого он в свое время прижопил и кто пошел под расстрельную статью, выставят ему свои претензии угольками со сковородки. Не суди...

– Значит, так. Я сейчас на Петровку, а ты поработай с участковым, и если у него остались данные по проверкам на заявления жильцов... В общем, не мне тебя учить. В семнадцать ноль-ноль оперативное совещание в моем кабинете. Все! Работай.

От Большого Каретного до МУРа рукой подать, но и за те десять минут, которые Владимир Михайлович Яковлев про-

вел в машине, он успел многое передумать, припоминая свое знакомство и первую встречу с фотокорреспондентом Толчевым, который чуть ли не целую неделю провел с «рабочей лошадью» московской милиции, операми районного Управления внутренних дел, пытаясь и сам понять сущность работы рядового опера на земле, и донести ее, эту самую сущность, до своего читателя. Донести через фоторепортаж.

Засады, захваты и аресты, допросы, работа с «контингентом» и просто писанина, которой не бывает конца.

Вторая половина девяностых годов. Наполовину купленная московская пресса, в хвост и в гриву поносившая милицию, которая даже после ее развала, почти вконец обнищавшая и безлошадная, тогда как преступный мир российской столицы, расставив пальцы веером, разъезжал на «БМВ» и «Мерседесах», пыталась противостоять уже сложившейся организованной преступности, которую крышевало коррумпированное чиновничество и прожженные политиканы из Государственной думы. И такой фотоочерк, на два газетных разворота...

Неблагодарная на тот момент работа.

Однако Толчев ее сделал и, кажется, даже сам проникся убежденностью московских оперов. По крайней мере, именно так показалось тогда ему, полковнику милиции Яковлеву, одному из героев этого фотоочерка.

И вот теперь...

Пытаясь воспроизвести в памяти того Толчева, которого

он знал, и перенести на того Толчева то, что случилось на Большом Каретном, Яковлев не мог освободиться от какого-то подспудного ощущения, что в этом деле не так уж все и просто, как может показаться на первый взгляд.

Глава вторая

Еще не полностью оклемавшийся после ранения и выписки из госпиталя и все еще остававшийся под наблюдением врачей, Турецкий мог позволить себе далеко не каждый день появляться на работе, и в такие дни, особенно если в Гнесинке позволяло расписание уроков, Ирина Генриховна также задерживалась на часок-другой. Готовила полюбившиеся оладышки из кабачков уже нового урожая, которые сама же и покупала на рынке, провожала дочь в школу и уже после этого накрывала завтрак на двоих. Свежесваренный кофе, те же оладьи со сметаной и пара-другая бутербродов с адыгейским сыром или с колбасой.

В это утро она также порезала сыр, выложив на стол слегка подогретый лаваш, посмотрела на часы и уже по привычке включила телевизор. Она и сама не могла толком объяснить того, что творилось с ее мозгами в последние полгода, но с тех самых пор, как ранили ее Турецкого и в ней вдруг проснулось столь же непонятное ей стремление к оперативной работе, к тому, чем всю свою жизнь занимался ее Турецкий, она чисто инстинктивно включала телевизор и отслеживала все сводки «Дежурной части» и «Петровки, 38». Анализируя то, что вещали с экрана телеведущие, она пыталась понять, что творилось в Москве и по всей России.

Убийства, грабежи, сверхнаглые квартирные кражи, вы-

зываются наглые автоугонки и заполонившие Москву мошенники из некогда «братских» республик... Господи милостивый, чего только не насмотришься за те десять или пятнадцать минут, что шли эти передачи!

Краем уха слушая то, что за прошедшие сутки случилось в Москве, и уже заканчивая варить кофе, она вдруг насторожилась и резко повернулась лицом к телевизору.

Ошибки быть не могло, ведущий назвал Большой Каретный, на котором свершилось... О господи! И фамилию – Толчевы!

Два трупа. Мужчина и женщина. Муж и жена. Она убита выстрелом из охотничьего ружья, он... Корреспондент, прибывший на место трагедии и уже успевший переговорить с соседями известного на всю страну фотокора, безапелляционно заявил, что Юрий Толчев покончил с собой, когда, видимо, осознал то, что натворил в состоянии аффекта.

Короче говоря, старая, как мир, история. Старый муж, молодая, красивая жена, раздирающая душу и сердце, пожирающая мозги ревность и... и пуля в собственный висок.

Юра... Юра Толчев!

Еще не в состоянии до конца осознать только что услышанное и увиденное – телеоператор успел заснять картинку, когда в мрачную, как смерть, труповозку загружали убитую и самоубийцу, Ирина Генриховна в каком-то ошолоблении стояла перед телевизором, не в силах отвести глаз от экрана, и только резкий запах свежесваренного кофе заставил

ее сдвинуться с места и снять с плиты объемистую турку, к краям которой подбирался запенившийся кофе. Еще секунда-другая – и пришлось бы отмывать плиту.

На телеэкране уже показывали сюжет о каком-то криминальном наезде, а Ирина Генриховна все еще не могла прийти в себя от только что увиденного. Большой Каретный, где на первом этаже дома располагалась мастерская Толчева, взволнованная толпа людей у подъезда, санитарная машина и два, в черном целлофане, труп. Толчевы! Юра и... Как зовут его вторую, совсем еще молоденькую жену, Ирина Генриховна не знала. И вдруг она словно очнулась. Поставила турку с кофе на свободное блюдо электроплиты и бросилась в ванную комнату, где уже заканчивал бриться Турецкий.

– Саша!

На ее щеке дрогнул какой-то нерв, она оборвала себя на полуслове, стараясь привести свои мысли в порядок.

– По телевизору... только что...

Ополоснув лицо холодной водой, Турецкий с усмешкой в глазах покосился на явно взволнованную жену. С той же скептической усмешкой на лице спросил негромко:

– Что, опять мочиловое на Москве?

Увлечение жены криминалистикой он все еще воспринимал как игру, как временное увлечение сорокалетней женщины, которое скоро пройдет, и, будучи профессионалом, не мог не относиться к ее вздохам и ахам скептически. А может быть, и пренебрежительно, чего и сам частенько не

замечал. Увидев замешательство на лице жены, произнес с той же усмешкой на губах:

– Надеюсь, не в президента стреляли?

На этот раз она даже не обратила внимания на его язвительность и только выдохнула громко:

– Саша! Толчевы... Юра Толчев!

На ее лице застыла гримаса боли, в глазах плескался ужас. Начиная догадываться, что, видимо, случилось что-то действительно очень серьезное, Турецкий повесил полотенце, тронул за плечи жену:

– Что?.. Что Толчевы?

Ирина Генриховна повела плечами, освобождаясь от его рук. Она чувствовала его скептическое отношение и не могла воспринимать это спокойно.

– Только что по телевизору...

И она, сбиваясь и путаясь, пересказала ему то, что только что увидела по телевизору. Замолчала и глухо произнесла, невольно передернув плечами:

– Нет, этого не может быть. Нет, нет и нет!

Турецкий внимательно посмотрел на жену. Она всегда обостренно воспринимала даже чужое горе, чужую беду, а здесь... Алевтина Толчева, Аля, была ее давнишней подругой, были времена, когда они даже дружили семьями, но, после того как муженек Алевтины втюрился по уши в молоденькую журналисточку и оставил свою семью, Алевтина будто сломалась от горя. Видимо не желая слушать сочув-

ственные вздохи своих подруг, а заодно и пересуды за спиной, оборвала все свои знакомства, замкнулась на доме и, кажется, даже есть перестала. Ирина рассказывала, что, когда ее увидела в последний раз, причем совершенно случайно, то даже не узнала поначалу. Пышка, как они когда-то называли Алевтину, жизнерадостная и почти всегда улыбающаяся, превратилась в сморщенный пожелтевший стручок, в котором неизвестно по каким законам еще теплилась жизнь. Ирина попыталась было пригласить ее к себе домой, но Аля только пробормотала что-то в ответ и заспешила к автобусной остановке. Было это осенью прошлого года.

Когда Ирина рассказала об этой встрече и о том впечатлении, которое произвела на нее Алевтина, он, Турецкий, только плечами пожал да пробурчал невнятно: «Ну и дура». И вспомнил, как вспыхнули глаза жены.

«Может, и дура, – нехотя согласилась она. – Но она любила Юру, а он... – И махнула рукой, добавив при этом: – Впрочем, все вы одним миром мазаны. Увидели свежую ягодку и... А дом, жена и семья – это для вас, козлов...»

«Ну-у насчет козлов это, положим, ты лишкухватила», – попробовал было возразить он, однако, вовремя почувствовав, что начинает тем самым и сам оправдываться в своих грешках и прегрешениях, посчитал за лучшее свернуть столь неприятный для них обоих разговор.

После этого, дабы не будоражить свои собственные, уже зарубцевавшиеся раны, о Толчевых они старались не вспо-

минать. И только в те моменты, когда на глаза попадался какой-нибудь фоторепортаж маэстро, кто-нибудь из них говорил: «Жив курилка. Видать, еще не весь поистерся».

И вот... поистерся.

– А ты не ошиблась? – на всякий случай спросил Турецкий. – Толчевы – это, конечно, не Ивановы с Петровыми, но и их в Москве не одна сотня наберется.

Ирина Генриховна отрицательно качнула головой:

– Нет, это был Юра. Во-первых, Большой Каретный, да и дом его я узнала сразу.

Думая о происшедшем и подводя себя к мысли, что это хоть и не типичный, однако вполне логичный конец бурного романа импульсивного лысеющего толстячка с длинноногой, смазливой кралей, все желания которой отчетливо читались в ее остреньких, бегающих глазках, Турецкий хмуро произнес:

– Ну и...

Он хотел было сказать: «От меня-то чего ты хочешь? Активного сочувствия или... или еще чего-нибудь?», однако вовремя сдержался и только пробурчал хмуро:

– Ему уже ничем не поможешь. – Покосился на жену и так же сдержанно добавил: – Ты меня, конечно, прости, но и он сам... Не мальчик, поди. Раньше надо было думать.

– Думать?.. – Ирина Генриховна отстранилась от мужа, уперлась в него непонимающим взглядом. – Ты о чем, Саша?! – В ее голосе слышалась неподдельная боль. – О чем

ты? Ему, Юре, уже ничем не поможешь, это естественно, но Аля... Ей-то каково? Да и Жека с Лешкой?

В глазах Турецкого промелькнула искорка злости. Толчевы давным-давно откачнулись от них, а сейчас, когда случилась эта хренотень... Ирина ждала от него каких-то решительных действий, а ему, если говорить честно, в эту минуту просто хотелось глотнуть свежесваренного душистого кофе, хотя... хотя и жалко было мужика. Как говорится, не справился с ситуацией.

– Так позвони ей, – посоветовал Турецкий. – Может, действительно чем-нибудь помочь надо?

– А удобно? – засомневалась Ирина Генриховна. – В такой момент... Может, она еще ничего не знает?

Турецкий пожал плечами:

– Может, ты и права. Они ведь давно уже в разводе. Однако ближе к вечеру все равно узнает. Не ты сообщишь, так еще кто-нибудь слушок донесет.

И, видимо считая разговор законченным, обнял жену, притянул ее к себе:

– Успокойся. И давай-ка кофейку попьем. Ну а вечером...

Однако до вечера ждать не пришлось. Алевтина позвонила сама в половине пятого и срывающимся от всхлипов голосом прошептала в трубку:

– Ира, ты... ты одна у меня осталась. Ты да дети. Ты... ты уже слышала, наверное?

– Да, знаю. Хотела тебе тут же позвонить, но... но боялась. Прости, ради бога.

– Господи, да о чем ты! – всхлипнула Алевтина. Шмыгнула носом, и в ее голосе появились просящие нотки: – Ирка... дорогая, ты... ты не могла бы помочь мне? А то эта смерть... гибель Юры... Я... я совсем выбита из седла, а Жека с Лешкой... Какие они помощники?

Она, видимо, все еще продолжала любить своего Юру, и теперь в ее голосе уже преобладали нотки отчаяния.

– Ира... ты да Саша... Я знаю, хоть он и обиделся на нас с Юркой, но сейчас...

– Да о чем ты говоришь, о какой обиде? – вспыхнула Ирина Генриховна. – В жизни порой и не такое бывает. А забывать старых друзей... Господи, да как ты только могла подумать о каких-то обидах?

В трубке послышался очередной всхлип.

– Спасибо вам. Спасибо.

– Ладно, на том свете угольками рассчитаемся. Говори, что надо. Может, помощь Турецкого? Что-нибудь со стороны прокуратуры? Сейчас ведь следствие должно начаться.

– Не, – потускневшим голосом откликнулась Алевтина. – Твоя нужна помощь. Ведь Юру хоронить надо будет, а родители этой проститутки...

В телефонной трубке зависло длительное молчание.

– Прости меня, Ира. Прости, ради бога. Может, я и неправа в чем-то, но... Они ведь Юру хоронить не будут, они ведь

его проклятию предадут. А кроме меня да Женьки с Лешкой, у него ведь больше никого нет. И если не похороним мы...

В трубке послышался очередной всхлип, и она снова надолго замолчала, зажимая свои чувства и стараясь, видимо, не разрыдаться в трубку.

Мысль о том, что фотокора Толчева могут похоронить и его коллеги по работе, она, видимо, считала просто кошунственной. Да и как иначе? Жил человек, имел прекрасную семью, детей, а случилась с ним беда – и даже похоронить некому.

Не думала она сейчас и о предательстве с его стороны, будто вычеркнула этот страшный для нее момент из своей жизни.

Думая об этом, Ирина Генриховна вдруг почувствовала, как у нее на глазах наворачиваются слезы, а грудь заполняет щемящее чувство благодарности к этой несчастной женщине. Сначала один удар, который превратил некогда жизнелюбивую, веселую Альку в сломленную, потускневшую старуху, которая забыла, что такое маникюр и укладка волос, а за жизнь держится только ради Жеки с Лешкой. Одной – семнадцать, а Лешке – пятнадцать. А теперь еще и второй удар, уже непоправимый. И она... она находит в себе силы, чтобы не только похоронить по-человечески предавшего ее и ее детей мужика, но, видимо, и простить его. Смогла бы она, Ирина Турецкая, поступить так по отношению к Турецкому? Она... она не знала. Впрочем, и он сам никогда бы не

бросил ради молоденьких стройных ножек свою семью, хотя и был далеко не промах, из-за чего в доме порой случались довольно серьезные скандалы. Бывало даже, что она убегала от него к своей тетке в Ригу, но чтобы Турецкий мог позволить себе подобное...

М-да, все познается в сравнении. Но лучше, конечно, когда есть сравнивать с кем-то, а не примеривать все на себе. Кошунственно звучит? Возможно. Но она не могла сейчас думать иначе.

– Алька, дорогая, говори, что надо, – наконец-то разрядила она тягостное для обоих молчание.

К этому моменту Алевтина уже смогла справиться со своим состоянием и тусклым голосом произнесла:

– Помочь с похоронами. Если... если, конечно, тебе это не обременительно.

– Господи, да о чем ты говоришь! Конечно, поможем. И я, и Турецкий...

– Если, конечно, вам это не обременительно, – повторила Алевтина. И, судя по ее голосу, этот телефонный звонок дался ей с большим трудом.

– Прекрати! И говори, когда, где и что.

– Пока что ничего не знаю, но... Я тебе буду звонить, если можно, конечно.

– Господи, ну что ты за человек такой! – взвилась Ирина Генриховна. – Ей одно говоришь, а она другое тебе долдонит. И запомни: не можно, а нужно!

– Спасибо тебе, Ира.

Ирина Генриховна обреченно вздохнула. Спасибо... Не зная, что сказать на это, она спросила негромко:

– Может, помощь Турецкого будет нужна?

Я имею в виду со стороны прокуратуры.

– Н-не знаю, – замялась Алевтина. – Пока что ничего не знаю. – И опять: – Спасибо тебе... вам обоим спасибо.

Положив телефонную трубку на рычажки, Ирина Генриховна какое-то время сидела на пуфике, зажав голову руками и тупо уставясь остановившимся взглядом в пол. Была прекрасная семья, жил хороший человек, и вдруг, в одночасье... Если бы не брошенная им жена, то даже похоронить по-человечески некому. Как говорится, судьба играет человеком, а человек играет на трубе. А если еще проще, то не знаешь, где потеряешь, а где найдешь. Вот и ее Турецкий, козел-осеменитель... Впрочем, чего старое ворошить? Все это в далеком прошлом, а сейчас, особенно после того, как несколько лет назад она буквально вытащила его из лап смерти, когда он лежал после ранения в госпитале, на него бы порой, как на мужа, только Богу молиться, да гордыня не позволяла.

«Впрочем, чего это я, – встряхнулась Ирина Генриховна. – Не хватало еще Турецкого поставить на место Юрки Толчева! Вот дура-то!»

Помассировав виски и рывком поднявшись с пуфика, она прошла на кухню, достала из холодильника бутылку минеральной воды, наполнила бокал. Искрящиеся холодные пу-

зырьки ударили в нос, и она почувствовала облегчение. По крайней мере, в голову уже не лезли дурные мысли. Подумала было, что сейчас бы самое время рюмку коньячку выпить, и уже с этой мыслью направилась в дальнюю комнату, с окном во двор, которую Турецкий обустроил под свой рабочий кабинет.

– Ты занят?

Он оторвался от экрана компьютера, на котором высвечивался какой-то зигзагообразный график, и вместе с вращающимся креслом развернулся лицом к жене:

– Для тебя – ни-ко-гда!

– От вас ли я это слышу, Александр Борисович? – с язвинкой в голосе произнесла Ирина Генриховна, усаживаясь в глубокое кожаное кресло напротив.

– Прости, это были ошибки молодости, – шутливо покался он, прижимая руку к сердцу. – Той самой молодости, когда на первом месте работа, а потом уже... – И он, как на плахе, склонил голову. – Прости.

– Не ерничай! – урезонила его Ирина Генриховна и негромко добавила: – Аля звонила. Толчева.

– Даже так?! – удивился Турецкий.

– Да, даже так! – неизвестно отчего начиная злиться на мужа, кивнула Ирина Генриховна.

Видимо сообразив, что сейчас не совсем подходящее время для словесной пикировки и жена в сердцах может наговорить ему много лишнего, Турецкий откашлялся, произнес

негромко:

– И чего она?

– Ты хочешь спросить, зачем звонила и чего она от нас с тобой хочет?

– Ну-у, в общем-то, да.

– Не волнуйся, лично от тебя она ничего не хочет. Просто просила помочь с похоронами.

– С похоронами Толчева?! – искренне удивился Турецкий. Ирина Генриховна скептически посмотрела на мужа. М-да, все-таки женское начало и мужское – это две совершенно различные цивилизации, и то, что вполне естественно воспринимает женщина, тем более мать, никогда не понять мужику.

– Ты удивительно догадлив, – кивком подтвердила Ирина Генриховна. – Именно Толчева.

Молча проглотив язвинку жены, Турецкий уже более спокойно спросил:

– И что ты?

– Сказала, что она может полностью рассчитывать на нас с тобой. – Замолчала, всматриваясь в глаза мужа, и чуть тише добавила: – Или у тебя иное мнение?

– Ирка!

– Все, молчу, – в знак примирения подняла руки Ирина Генриховна и уже совершенно иными глазами покосилась на мужа. – Послушай, Саша, может, ты по своим каналам все-таки узнаешь, что произошло на Каретном? Может...

– Не дави. Я уж и сам думал об этом. Завтра буду звонить на Петровку.

Поквартирный опрос, проведенный оперативниками территориального Управления внутренних дел, не смог выявить ничего нового и только подтвердил версию, высказанную следователем прокуратуры. Убийство на почве ревности, возможно в состоянии аффекта, и... и самоубийство отчаявшегося человека. О чем и было доложено на совещании, которое проводил Яковлев.

Выслушав соображения начальника убойного отдела, молчавший до этого Яковлев побарабанил костяшками пальцев по столу и хмуро покосился на полковника:

– Сам-то в это веришь?

– Вполне.

– Почему?

– Да потому, товарищ генерал, что не только показания соседей по дому, но и тех друзей, а также сослуживцев Толчева, которых мы успели опросить, говорят за это. Мужик по-настоящему втюрился в эту сикуху...

– Полковник!

– Простите, товарищ генерал, вырвалось. Так вот, по рассказам опрошенных, Толчев без ума был от своей молоденькой жены, таскался с ней как с писаной торбой, ну а она... Поначалу, конечно, все было как в добропорядочных семьях, а когда его женушка оперилась малость и почувствовала свою власть над мужем... Короче говоря, дряхлеющий муженек

и молоденькая, вертлявая женушка, требующая любовных утех и развлечений.

Хихикнул кто-то из оперов, что присутствовали на этом совещании. Обычно резкий в выражениях начальник убойного отдела старался подбирать такие слова, которые не могли бы ущемить «чести и достоинства» убитой женщины.

– Соседи, друзья, сослуживцы... – пробурчал Яковлев, которому по-настоящему было жаль Толчева. Порядочного человека и честного фотокора, который, в отличие от многих своих коллег, старался не изменять своим убеждениям. То есть не продаваться заказчику, как шлюха на Тверской. – Ну а что-нибудь более конкретное есть, что могло бы подтвердить эти суждения?

Бойцов утвердительно кивнул:

– К этому и веду, товарищ генерал. Отпечатки пальцев, снятые с пистолета, принадлежат Толчеву. И с этим фактом уже невозможно не считаться.

– М-да. – Нахмурившийся Яковлев побарабанил костяшками пальцев по столу, поднял на Бойцова глаза: – А ружье?.. Ружье, из которого стреляли в жену Толчева?

Бойцов понял его вопрос.

– На ложе пальчики стерты, судя по всему, во время драки, однако есть и посторонние. Думаю, что эти отпечатки пальцев оставлены любовником Марии Толчевой, когда он сцепился с ее мужем и пытался вырвать ружье. Короче, будем проверять, товарищ генерал.

– Побыстрей бы, – пробурчал Яковлев и кивком поднял с места Майкова, который весь этот день проработал в спарке со следователем прокуратуры. – Что прокуратура, капитан?

– Версий несколько, но рабочая одна – убийство на почве ревности и самоубийство.

– Что с пятнами крови на полу мастерской?

– Пока что можно сказать одно точно: это не Толчев. Судя по всему, Толчев разбил морду и любовнику своей жены.

В глазах Яковлева сверкнули искорки злости. Он не первый год работал в милиции, хорошо знал, что такое сыск и следствие, и поэтому ему не надо было разъяснять, с чего бы это вдруг молодой, но ушлый следователь прокуратуры выдвигает версию самоубийства Толчева как рабочую, то есть ту, на которую нужно делать основной акцент. Как говаривал когда-то незабвенный Лаврентий Павлович Берия, нет человека – нет проблем. Вокруг гибели известного на всю страну фотокора будет много шума, много слухов и пересудов, а при таком раскладе можно будет и уголовное дело закрывать, практически не открывая.

– Ну а сам-то ты что думаешь по этому поводу? – требовательно произнес Яковлев.

Было видно, как на шее Майкова дрогнула какая-то жилка, покраснели кончики ушей. Он прекрасно понимал, что начальник МУРа не очень-то доволен версией, которую выдвинула как основную прокуратура, и в то же время полностью склонялся к ней. Надо было на что-то решаться, и он

произнес, откашлявшись:

– Считаю, что наиболее логично картину трагедии можно было бы выстроить следующим образом. Судя по всему, Толчев уже давно подозревал об измене жены и на этот раз вернулся с охоты раньше обычного. Каким-то образом догадался, что в доме находится ее любовник, и, перед тем как открыть дверь, расчехлил ружье. Бросил свой рюкзак у порога и...

– Короче можешь?

– Слушаюсь, товарищ генерал, – кивнул Майков, и его уши покраснели еще больше. – Предполагаю, что ворвавшийся в спальню Толчев застал свою жену с любовником в постели и, уже ничего не соображая, выстрелил в жену из двух стволов сразу. В этот же момент чудом оставшийся в живых любовник соскочил с кровати и, воспользовавшись тем, что ружье оказалось разряженным, бросился на Толчева. Между ними завязалась драка, которая переместилась позже в большую комнату, ближе к входной двери. Думаю, что во время драки любовник Марии Толчевой схватился за ружье, пытаясь вырвать его из рук Толчева, а когда у него это не получилось, он в панике выскочил в дверь.

Он замолчал было, однако Яковлев требовательно произнес:

– Ну и?..

Майков пожал плечами:

– Сложно, конечно, судить о том, что творилось в душе

Толчева, но, судя по всему, он, осознав, что натворил...

– Короче говоря, самоубийство?

– Да.

– Что ж, и на том спасибо, – буркнул Яковлев, новым кивком усадил капитана на место и, уже обращаясь к Бойцову, произнес: – И все-таки меня интересует тот, третий, который находился в это время в мастерской Толчева и «пальчики» которого остались на стволе двустволки. Причастен он к этому убийству или не причастен, не имеет значения. Он, и только он, – важнейший свидетель, и его необходимо во что бы то ни стало найти. Задача, надеюсь, понятна, полковник?

– Более чем.

– Тогда на этом и закончим. О всех продвижениях по розыску докладывать ежедневно.

Когда кабинет Яковлева опустел, он откинулся на спинку кресла, кончиками пальцев помассировал глаза. К вечеру наваливалась дневная усталость, порой начинали болеть глаза, и этот легкий массаж, который надо было бы делать по несколько раз в день, стал для него чуть ли не палочкой-выручалочкой, которая позволяла держать себя в нужном тоне. Вот и сейчас... Ему надо было осмыслить, понять, в конце концов, что же такое произошло на Большом Каретном, а он не мог сосредоточиться на этом. Зная фотокора Толчева и выпив с ним не одну бутылку водки, когда тот работал над фоторепортажем о нелегких буднях столичной милиции, он даже в самом страшном сне не мог представить себе, что

этот уверенный в себе мужик и профи, каких мало, мог из-за ревности засадить в молоденькую женушку два заряда из двустволки двенадцатого калибра, а потом...

Но что же тогда еще?

Заказное убийство фотокора на почве профессиональной деятельности?

Возможно, но...

Нынешний киллер не стал бы подобный огород городить. Изучив характер, повадки и привычки, а также хобби Юрия Толчева, большого любителя весенней охоты, он бы просто отследил его на том же озере и завалил из охотничьего ружья, разрядив пару стволов одновременно.

Несчастный случай на охоте, какие случаются едва ли не каждую весну. И поди-ка разберись, кто из охотников сделал этот «случайный» выстрел.

Сопоставляя происшедшее на Большом Каретном с реалиями криминального мира, он вдруг подумал, что, может быть, и прав ухватистый следователь прокуратуры, выдвинув озвученную версию как рабочую. Ведь тот же Толчев – живой человек, со своими прибамбасами, которые, возможно, он тщательно скрывал от друзей и своих коллег по работе, тем более довольно импульсивный, и... Впрочем, дальше этого проклятого «и» даже думать не хотелось, а в голове вдруг навязчивым повтором зазвучали строчки Высоцкого: «Где меня сегодня нет? На Большом Каретном...»

Глава третья

Мария Толчева, в девичестве Дзюба, оказалась далеко не безродной, как могло показаться на первый взгляд. В чем следователь межрайонной прокуратуры Виктор Самедов смог убедиться буквально на следующее утро, едва переступив порог своего кабинета. Словно дожидаясь этого момента, на его рабочем столе брякнул телефон, и он был вызван к своему шефу. Самедов не мог не догадываться, с чего бы это вдруг довольно вальяжный Мыров затребовал его в этот ранний час, и чутье не подвело Самедова.

В кресле, у журнального столика, сидел крупный шатен лет пятидесяти, и по тому, какими глазами он посмотрел на появившегося в дверях следователя, Самедов догадался, что это и есть отец Марии Толчевой, который днем раньше был извещен о гибели дочери. Да и тот легкий южнорусский загар, который покрывал его лицо, говорил о том, что этот человек, в отличие от загнанных москвичей, цвет лица которых напоминал раннюю бледную поганку, смог уже и солнышком апрельским насладиться, и на том же весеннем перелете уток покайфовать.

– Знакомьтесь, – представил своего раннего гостя Мыров. – Павел Богданович Дзюба. Отец Марии Толчевой.

На крупных скулах Дзюбы качнулись вздувшиеся желваки.

– Прощу вас, Сергей Николаевич, не упоминайте при мне эту фамилию. – На его горле дрогнул кадык, и он добавил угрюмо: – Мы... мы постараемся вообще вычеркнуть эту фамилию из нашей памяти.

– Да, конечно. Конечно! – засуетился Мыров. – Такая беда и... Я понимаю вас. Понимаю.

Самедов уловил над журнальным столиком терпкий коньячный запах и невольно подумал, что его шеф и несчастный отец убитой уже помянули Толчеву. Впрочем, не исключалось и то, что этому крупному и, как показалось Самедову, волевому мужику стало вдруг плохо, и Мыров, не признававший никаких лекарств, достал из сейфа бутылку коньяка, и уже одно это говорило о многом.

Самедов более внимательно присмотрелся к отцу убитой, мысленно гадая, что лично для него, Виктора Самедова, может значить этот вызов к шефу. Вариантов было несколько, однако он предпочел произнести дежурную фразу:

– Примите мои самые искренние соболезнования. И поверьте, все, что касается следствия...

Самедов замолчал и, словно ожидая поддержки со стороны своего шефа, покосился в его сторону. Однако тот даже внимания не обратил на «крик души» молодого следователя. И, казалось, даже был раздосадован его излишней ретивостью. И вновь он не ошибся в своих ощущениях. Мыров негромко откашлялся, будто у него в горле запершило, и так же негромко, но с повелительными нотками в голосе произ-

нес:

– Теперь что касается следствия. Эта драма на Большом Каретном... я имею в виду убийство и самоубийство Толчева... Короче говоря, отец Марии человек публичный и довольно-таки известный, причем не только в самом Ставрополе, но и в крае, и поэтому его семья не желает, чтобы по Ставрополью поползли грязные сплетни и слухи относительно Марии и ее личной жизни в Москве.

Мыров замолчал и уперся тяжелым, угрюмым взглядом в лицо следователя.

– Надеюсь, ты понимаешь, о чем я говорю? Необходимо отсечь всю излишнюю информацию от этих писарчуков из бульварной прессы и... и вообще.

Самедов все прекрасно понимал и поэтому не мог однозначно согласиться со своим шефом. Покосился на сидевшего в кресле отца убитой, который в этот момент был похож на каменное изваяние, перевел взгляд на Мырова:

– Сергей Николаевич, я-то понимаю, не дурак. И могу вас уверить, что с моей стороны никакой утечки информации в прессу не будет, но ведь кроме прокуратуры...

– Ты хочешь сказать, МУР?

– Да.

Лицо Мырова помрачнело.

– Вот поэтому я и вызвал тебя к себе. Павел Богданович и руководство прокуратуры...

В этот момент в кресле наконец-то ожило каменное изва-

ание и кабинет Мырова наполнился глубоким грудным басом:

– Вы позволите, я поговорю с молодым человеком? – Он обращался явно к Мырову, а под «молодым человеком» подразумевал тридцатилетнего Самедова.

– Да, конечно. О чем вопрос!

Отец убитой перевел тяжелый взгляд на следователя и все тем же грудным басом произнес:

– Вы позволите, если я буду вас называть просто Виктор?

– Естественно.

– Так вот, Виктор. Я лично и моя семья, мы бы не хотели, чтобы кто-то злословил и чесал праздные языки по поводу нашей семейной трагедии. – Он слегка повысил голос, и казалось, что его красивый грудной бас уже заполнил весь кабинет. – Если начнется длительное и занудное следствие, то это все будет довольно трудно утаить от нашей ставропольской прессы, которая уже наострила уши относительно случившегося. И поэтому...

Он замолчал и вопросительно покосился на Мырова.

Самедов заметил, как тот согласно кивнул, и снова кабинет наполнился грудным басом:

– Так вот, Виктор, у меня к тебе личная просьба. Необходимо как можно быстрее закруглить, то есть закрыть, это дело и поставить на нем точку. Без копания в грязном белье и в личной жизни моей дочери.

В кабинете Мырова зависла мхатовская пауза, которую

нарушил все тот же бас:

– Надеюсь, вы понимаете меня, Виктор?

– Я-то понимаю, но... – И Самедов повернулся лицом к Мырову, как бы испрашивая его совета.

– А ты пораскинь мозгами, – посоветовал ему Мыров. – И через час жду тебя у себя.

– Слушаюсь.

Самедов шагнул к двери, но тут же остановился, и его взгляд скользнул по сидящему в кресле сильному и, видимо, очень волевому человеку, который, похоже, искренне переживал свое горе, не позволяя ему выплескиваться наружу.

– Еще раз... примите мои искренние соболезнования и... и самое искреннее сочувствие.

В ответ – молчаливый кивок и наполненные болью глаза убитого горем человека.

Задача, поставленная Мыровым и отцом погибшей – без копания в грязном белье и личной жизни Марии Толчевой поставить точку в уголовном деле, – была не такой уж простой, как могло показаться дилетанту, и Самедов мудро решил сначала выслушать конкретные указания своего шефа и только после этого... Как говорится, утро вечера мудренее. Оттого и «мозгами раскидывать» не стал, как посоветовал ему Мыров.

Утро вечера мудренее.

На столе брякнул телефон, и в трубке послышался жест-

кий, как окрик вологодского конвоя, голос секретарши:

– Ждет!

По привычке одернув пиджак и застегнувшись на все пуговицы – Мыров не любил расхлябанности в своих подчиненных, – Самедов прошел в «предбанник», в котором хозяйничала властная, как генеральный прокурор России, Вера Степановна, и, прежде чем переступить порог кабинета своего шефа, спросил негромко:

– Ушел? Я имею в виду гостя.

Вера Степановна, она же Верочка, только плечиками повела на это, и ругнувшийся про себя Самедов открыл дверь. Вдохнул облегченно. Ему менее всего хотелось бы вновь встречаться с этим жестким человеком, однако отца Марии Толчевой в кабинете уже не было, и только над журнальным столиком все еще витал терпкий запах дорогого коньяка. Сам же Мыров разговаривал с кем-то по телефону, и, пока он не опустил трубку на рычажки, Самедов стоял у двери, плотно прикрыв ее за собой.

– Чего стоишь как бедный родственник?

Садись, – кивнул Мыров на свободный стул и тут же произнес властно: – Надеюсь, тебе все понятно?

Однако непонятно было, то ли он спрашивает, то ли в подобной форме приказ отдает.

Самедов хотел было согласно кивнуть, мол, «слушаюсь и подчиняюсь, ваше превосходительство», однако вместо этого непроизвольно пожал плечами и учтиво произнес:

– Сергей Николаевич, мне бы... мне бы хотелось более точных указаний... с вашей стороны. Дело-то уж больно грязное, да и шуму в прессе уже хватает...

Он замолчал и, как девица во время сватания, поднял от стола глаза. И пожалел о сказанном. Глаза Мырова потемнели, и тот уже не мигая смотрел на следователя, который, видимо, не желал двигаться по службе, чтобы уже в ближайшем обозримом будущем стать следователем по особо важным делам.

– Какие еще, на хер, указания?! – то ли прошипел, то ли рывкнул во весь голос Мыров. – Дзюба прилетел в Москву, чтобы забрать тело дочери! И уже сегодня здесь будет машина, высланная им же из Ставрополя. С цинковым гробом! И поэтому... Слушай меня внимательно. Ты должен подготовить все документы для передачи трупа отцу погибшей.

Он замолчал и уже чуть спокойнее добавил:

– Считай, что это и есть мои указания.

В просторном, светлом кабинете, который буквально купался в лучах уже теплого апрельского солнца, зависла напряженная тишина. В общем-то, все было ясно и понятно, без лишних слов можно было бы вставать да уходить, однако Самедов не мог не сказать:

– Сергей Николаевич, я... я, конечно, все понимаю. И про чувства родителей, которые хотели бы как можно скорее похоронить свою дочь на своем кладбище, и про машину с гробом, которая скоро будет в Москве, и про страхи отца Ма-

рии за честь своей семьи, если вдруг московские и ставропольские писаки начнут копать в личной жизни жены фотокорреспондента, но...

Он хотел было сказать, «но вы и меня поймите», однако вместо этого глухо произнес:

– Но ведь тот же Дзюба должен понимать, что не все так уж и просто в этом деле. К тому же еще нет официального заключения судебно-медицинской экспертизы относительно смерти Толчевой. И будет оно не раньше чем через два-три дня.

И передавать сейчас труп...

Теперь уже у Мырова не только глаза потемнели, но и по лицу пошли багрово-темные пятна. Какое-то время он молча, как голодный удав на кролика, смотрел на Самедова и вдруг с силой ударил кулаком по столу.

– Ты... ты что, действительно не понимаешь, о чем я говорю? Или целку дурковатую из себя корчишь? Я и без тебя, умника, законы знаю, но здесь...

Он замолчал, едва не задохнувшись от гнева, расслабил туго затянутый узел галстука, расстегнул пуговичку под выглаженным воротничком. Какое-то время молчал, катал по столу остро заточенный карандаш, и вдруг как-то исподлобья покосился на сидевшего перед ним следователя:

– Насколько я догадываюсь, ты еще не пробил родителей погибшей?

Самедов отрицательно качнул головой.

– А зря, – с чувством неподдельной усталости в голосе отозвался Мыров. – И сделать это надо было в первую очередь.

Остро заточенный карандаш наконец-то замер в его пальцах, и он бросил его на стол.

– Насколько я понимаю, мать Марии на данный момент просто домохозяйка, а вот ее отец... Павел Богданович Дзюба...

Рука Мырова опять потянулась к несчастному карандашу, и он уже по второму кругу закрутился промеж его пальцев. Старые сотрудники прокуратуры хорошо знали, что Мырова в этот момент что-то грызет и он находится далеко не в самом лучшем расположении духа.

– Так вот, Павел Богданович Дзюба в прошлом крупный ставропольский партийный чиновник с серьезными связями в Москве, а ныне – влиятельное лицо из ближайшего окружения губернатора края. Со всеми вытекающими отсюда связями не только в российском правительстве, но и в Кремле, а также вытекающими для нас с тобой последствиями.

Он замолчал и хмуро покосился на Самедова:

– Теперь врубаешься, надеюсь, о чем и о ком я тебе талдычу?

И снова замерший было карандаш замелькал в его пальцах.

– Так вот. Когда Дзюба узнал о случившемся, а узнал он это из сообщения по телевизору, он тут же созвонился с за-

местителем генерального по Южному округу, насколько я догадываюсь, попросил его «надавить на Москву», чтобы это дело замяли как можно быстрее, дабы ненужная для него лично информация о дочери, в данном случае компрометирующая, не расползлась по страницам оппозиционной прессы. Чувствуется, что врагов у него хватает не только на Ставрополье, а он, как крупный и влиятельный чиновник из ближайшего окружения губернатора края, не желает останавливаться на том, что уже имеет.

Карандаш замер в руках Мырова, и он глухо произнес:

– Так что все, что я тебе сказал, – это не моя личная прихоть, а можешь считать «указанием сверху».

Он замолчал, и на его лице застыла вымученная ухмылка. Мол, не только мы людей дрючим, но и нас есть кому отдрючить, с наждачком да с песочком по живой коже.

Самедов все понимал, и ему не надо было объяснять, кто конкретно «может отдрючить» руководство межрайонной прокуратуры. Согласно кивнул черной как смоль головой и, уже поднимаясь со стула, произнес негромко:

– Разрешите идти?

– Работай!

Однако, перед тем как открыть дверь, повернулся лицом к Мырову:

– Все бумаги по Толчевой я готовлю, но... но как быть с МУРом? Насколько я догадываюсь, это дело под личным контролем Яковлева.

– Даже так? – неприятно удивился Мыров. – Ладно, не бери это в голову. С генералом я поговорю сам.

Замолчал было и хмуро добавил:

– А меня не послушается, так есть кому и на него надавить. В Москве, слава богу, еще не перевелись добрые люди, на которых особо принципиальные да совестливые действуют как красная тряпка на быка.

Труп Марии Толчевой, в девичестве – Дзюбы, был отправлен в Ставрополь вечером этого же дня. Приведенный в надлежащее состояние, в цинковом гробу, который сопровождала внушительная команда, присланная из Ставрополя.

Глава четвертая

Алевтина Викторовна, так и оставшаяся Толчевой после развода с мужем, знала, что у *ее* Юры много друзей и знакомых, но, когда в «прощальный» зал больничного морга втиснулось не менее сотни мужчин и женщин с цветами в руках, она, пожалуй, впервые за все годы осознала, кем по-настоящему был и остался в сердцах этих людей фотокор Толчев. И тут же со страхом подумала о том, где бы она разместила их всех в небольшой трехкомнатной квартире, чтобы выпить рюмку-другую за упокой души. И с благодарностью подумала о главном редакторе журнала, который не только выделил деньги на похороны и поминальный стол, но и снял зал в довольно приличном ресторане, где могли бы спокойно посидеть и вспомнить Толчева все желающие.

Знакомые и незнакомые люди подходили к ней и к ее детям, говорили какие-то утешающие слова, кто-то предлагал ей свою помощь, а она с сосущей тоской в сердце, доселе ей незнакомой, думала о том, насколько все-таки несправедлива церковь, когда ей отказали в отпевании. Самоубийц, мол, православная церковь не отпевает. А ведь ее Юра был глубоко верующим человеком и даже серебряную, в храме Христа Спасителя освященную цепочку сделал столь короткой, чтобы никогда не снимать с себя простой латунный крестик, который незадолго до своей кончины надела на него мать,

осенив при этом крестным знамением.

И она не могла смириться с этим отказом, хотя и понимала, что церковный закон един для всех.

Правда, обнадеживало другое. Тот же батюшка в церкви сказал ей, что, если она представит справку о том, что на момент самоубийства ее мужа, что является в православии едва ли не главным грехом, он пребывал в состоянии невменяемости, то есть не мог осмысленно руководить своими поступками и контролировать их, она может отпеть его уже после похорон.

И перед ней вдруг, словно на голограмме, всплыли внимательно-пытливые глаза немолодого уже священника и его слова:

– Вы уверены, что он достоин отпевания в церкви?

И она в который уж раз прошептала беззвучно:

– Да.

От воспоминаний очнулась, когда закончилась торжественная часть гражданской панихиды и ей с детьми предложили проститься с отцом и мужем.

В эти минуты она снова считала его своим мужем. Впрочем, так оно, наверное, и было. В свое время они не только расписались в ЗАГСе, но и, что было, пожалуй, самым главным для них обоих, венчались в церкви, венчались перед Богом, и этого с них пока что еще никто не снимал.

Пропустив сына и рыдающую дочь впереди себя, она склонилась над заострившимся лицом Толчева, который был и

похож и непохож на себя, тронула кончиками пальцев прикрытую бинтом, аккуратно заделанную рану на правом виске, невнятно прошептала какие-то слова, поцеловала холодный лоб.

В отличие от рыдающей дочери и сына, который тоже не стеснялся своих слез, ее глаза были совершенно сухими, и только плотно сжатые скулы да сухой, почти лихорадочный блеск глаз выдавали ее состояние.

– Послушай, Алька, ты бы поплакала малость, – посоветовала ей Ирина Генриховна, которая с самого утра неотлучно находилась при Толчевой, взвалив на себя все хлопоты с похоронами. – Уверяю тебя, легче будет.

Алевтина только головой качнула в ответ, а чуть погодя шевельнула губами:

– И рада бы, но... Не могу, сил нет. Будто застыло что-то внутри.

Ирина Генриховна кивнула понимающе. Когда ее Турецкого, на грани жизни и смерти, с пулевым ранением положили на операционный стол в институте Склифосовского и она несколько часов кряду просидела на крохотном диванчике в приемной, тупо уставясь остановившимся взглядом в пол, у нее также что-то сжалось внутри, и ощущение было такое, будто огромный, мертвецки холодный круг втянул в себя все ее внутренности. Она и рада была бы тогда поплакать, чтобы со слезами выплеснулась из ее нутра пожирающая боль, да не могла.

На Люблинском кладбище, куда следом за ритуальным автобусом, в котором сидели только самые близкие Толчеву люди и следом за которым вытянулась длинная вереница из дорогих и более дешевых иномарок, среди которых затерялось несколько отечественных «Жигулей», также говорили какие-то слова, в смысл которых даже не пыталась вникнуть вконец обессиленная Алевтина, кто-то предложил каждый год, в день смерти Толчева, посещать эту могилку, а чуток погодя...

Когда четыре могильщика спустили на веревках уже законченный гроб в свежевырытую, еловыми ветками и красной материей прибранную могилу и на крышку гроба упали первые комья земли, отозвавшиеся в ее сердце колокольным набатом, она вдруг поняла, что уже никогда... никогда не увидит *своего* Толчева, не прижмется к его груди, и разрыдалась безутешным плачем.

За поминальным столом, на который не поскупилась редакция журнала, Алевтина наконец-то пришла в себя, выпила пару стопок водки за помин души и уже была в состоянии говорить что-то осмысленное и даже улыбаться благодарной улыбкой сидевшим за тремя столами людям.

Все это время, практически с самого раннего утра, когда Ирина Генриховна приехала к Толчевым, которые жи-

ли неподалеку от дома на Большом Каретном, она практически не отходила от нее, держа наготове облатку с валидолом, несколько пузырьков с валокордином, корвалолом, валерьяной и даже пузырек с нашатырным спиртом. Пару успокаивающих таблеток она заставила Алевтину выпить еще до того, как Турецкий прислал машину, чтобы ехать в морг. Сам же Турецкий на похороны приехать не смог – срочно вызвали на доклад к генеральному прокурору, и он пообещал Алевтине заехать к ней домой ближе к вечеру, когда освободится.

Кто-то говорил очередные слова о Толчеве как о мастере фоторепортажа и как о человеке, как вдруг Алевтина произнесла негромко:

- Обидно все, за Юру обидно.
- Что обидно? – не поняла Ирина Генриховна.
- С церковью... и с отпеванием. Словно он злыдень какой-то.

Сказала это и уткнулась глазами в тарелку.

Догадываясь о душевном состоянии Алевтины, Ирина Генриховна тронула ее за плечо:

- Успокойся, прошу тебя. Ведь сколько людей хоронят без отпевания, вспомни хотя бы советскую власть. А здесь... Да и церковь понять можно – у нее свои законы, и нарушать их никому не положено.

Она гладила Алевтину по плечу, однако та, казалось, даже не слышала ее, уставившись остановившимся взглядом в

тарелку с нетронутой закуской.

– Они... в церкви... говорят, что самоубийство – это несмыслимый грех, но ведь Юра...

Алевтина замолчала, стерла тыльной стороной ладошки снова совершенно сухие глаза. Сглотнула подступивший к горлу комок и, повернувшись лицом к подруге, произнесла:

– Он не самоубийца, нет! И я... я не верю, что он сначала эту сучку, а потом... потом и себя.

Ирина Генриховна хотела было промолчать на этот крик души, однако что-то заставило ее разжать губы, и она негромко, чтобы слышать могла одна только Алевтина, произнесла:

– Алька, дорогая! Веришь ты или нет, но ведь это уже доказанный факт, понимаешь ты, до-ка-зан-ный... да и уголовное дело закрыли, так и не открыв его.

– Вот именно что не открыв его, – глухим, тусклым эхом отозвалась Алевтина. – А если бы не закрыли да хотя меня с детьми опросили...

Ирина Генриховна уже более внимательно присмотрелась к уткнувшейся в свою тарелку Алевтине.

– Ты что же... думаешь, что...

– Я не думаю, я знаю! – неожиданно вскинулась Алевтина. – И я хорошо знаю, я уверена, что Юра не мог так вот, запросто, покончить с собой и тем более не мог стрелять в эту тварь.

Ее ноздри раздувались, и она, видимо не в состоянии со-

владать с собой, потянулась рукой за бутылкой водки, что стояла перед ней.

Наполнила свою рюмку и Ирина Генриховна. Она понимала, что Алевтина полна ненависти к смазливой журналистке, которая увела ее мужа из дома, но чтобы говорить вот так... причем совершенно безапелляционно... Для этого кроме женской ненависти требовались более веские основания. И она спросила, едва разжимая губы:

– А почему ты думаешь, что он не мог?.. Стрелять не мог, а потом... потом застрелиться?

Она с трудом подбирала слова, чтобы только лишний раз не сделать Алевтине больно.

Алевтина осушила свою рюмку, поставила на стол, и ее все еще красивое, но в самый последний момент увядшее лицо исказила гримаса внутренней боли.

– Да потому, что Юрка уже не любил ее, порой даже ненавидел и ждал только момента, чтобы выгнать эту шлюху подзаборную из дома.

Ирина Генриховна покосилась на Алевтину, спросила хмуро:

– Так чего же он тянул и сразу не выгнал, как только узнал о ее загулах?

Алевтина тяжело вздохнула:

– Ты же знаешь Юрку. И он не мог... не мог так вот запросто оставить ее без крыши над головой.

Несмотря на то сочувствие, которое Ирина Генриховна в

этот момент испытывала по отношению к своей подруге, она не могла не усмехнуться внутренне. И чтобы не выдать себя, спросила:

– А ты-то откуда знаешь про их отношения да про «крышу над головой»?

– Оттуда и знаю, – вяло отозвалась Алевтина, – что он сам об этом мне незадолго до смерти говорил.

– Так вы что, встречались? – удивилась Ирина Генриховна. – Ты же об этом...

– Он сам просил никому не говорить. Твердил, что перед общими друзьями стыдно. Однако навещал нас часто. Деньги приносил, с детьми общался. А в последнее время вообще...

Она вдруг замолчала, будто сказала что-то лишнее, и снова тупо уставилась в свою тарелку.

Общих друзей стеснялся...

Это действительно было похоже на Толчева, и Ирина Генриховна тронула Алевтину за плечо:

– Ты сказала «вообще». И... и что?

Лицо Алевтины дрогнуло, неожиданно сморщилось, словно печеное яблочко, и она подняла на подругу наполненные болью и глубокой скорбью глаза.

– Когда он был в последний раз у меня и мы... мы опять, как в молодости... когда не было детей... – Она улыбнулась, видимо припоминая минуты недолгого счастья, смахнула ладошкой выступившую на глазах слезинку и уже совсем ти-

хо прошептала: – В общем, он сказал тогда, что уже окончательно решил порвать с Марией. Мол, у него к ней, кроме ненависти, ничего более не осталось, и он... он плакал, выпрашивая у меня прощения.

Она замолчала, оборвав себя на слове, сжала голову руками. Наконец оторвала глаза от пола и совсем уж упавшим голосом произнесла:

– Да, клялся, когда выпрашивал у меня прощения. Клялся, что, как только вернется с охоты и утрясет дела с официальным разводом, тут же вернется домой, если, конечно... если дети его простят.

– А зачем ему, да в такой момент, на охоту надо было ехать? – не выдержала Ирина Генриховна. – Он что, твой Толчев, жить, что ли, без нее не мог, без этой охоты проклятой?

– Мог, – уже совершенно тусклым, бесцветным голосом отозвалась Алевтина. – Только на этот раз он давал мне время подумать серьезно да в чувствах своих разобраться. Чтобы потом не было, когда он домой вернется... Ну, в общем, ты меня понимаешь.

Ирина Генриховна все прекрасно понимала: ее Турецкий тоже был не подарок, особенно по молодости, и сейчас размышляла о только что услышанном. Если все это Алевтина не придумала сама, пытаясь в более-менее приличном свете представить общим друзьям своего Толчева, которому, согласно русской пословице, бес саданул в ребро, когда уже се-

дина полезла в бороду...

И Алевтина словно прочитала ее мысли:

– Ирка, дорогая! Не мог, ну не мог Юрка стрелять в эту сучку. Не мог! Хотя бы потому не мог, что он никогда, ты понимаешь меня, ни-ко-гда не мог поднять руку на человека. А тут... из обоих стволов сразу... И еще... Он давно уже остыл к ней. Она стала для него совершенно чужим человеком. А это, как сама понимаешь...

По ее лицу пошли красные пятна, нервным тиком поддёрнулась щека, и она закончила через силу:

– Да и себя он не мог кончить. Не мог! Потому что очень любил Жеку с Лешкой. И... и когда он был в последний раз у меня, много говорил о том, что уже начал деньги подкапливать, чтобы дать им приличное образование.

Ирина Генриховна молча водила вилкой по тарелке.

Не мог... А пулю себе в висок пустил. Да и его молоденькую женушку не топором зарубили. И в то же время в словах и в голосе Алевтины было что-то такое, что заставляло верить ей.

Уже поздним вечером, когда уставший до чертиков Турецкий приехал домой и даже от ужина отказался, сказав, что перекусил в прокуратуре, Ирина Генриховна все-таки заставила его выпить чашку чая с бутербродом и, пока он безо всякого удовольствия жевал бутерброд с ветчиной, рассказала ему о том, как прошли похороны, кто из общих знакомых

остался на поминки, а заодно и о сомнениях Алевтины относительно случившегося на Большом Каретном. И замолчала настороженно, ожидая, что скажет муж.

Турецкий же допил остатки чая, поставил фаянсовую чашечку на стол, сказал «спасибо» и поднялся из-за стола. Ирина Генриховна удивленно смотрела на мужа.

– Но, Саша...

– Да?

У нее перехватило дыхание. Еще не отошедшая от похорон и от того, что говорили о Толчеве приехавшие на похороны люди, она в каком-то онемении шарила глазами по бесстрастному лицу Турецкого, на котором, кроме усталости, ничего более невозможно было высмотреть.

«Господи милостивый! – думала она. – Чего это с ним? Были бы они с Толчевым чужими людьми, а то ведь... И это холодное как лед „да“.

На нее накатила волна возмущения:

– Послушай, Турецкий, я ведь тебе не кино пересказываю! Я тебе рассказала о том, что гложет сейчас Алевтину и спать ей не дает. Я тебе о том рассказала, что...

– Успокойся, – устало и в то же время с ноткой снисходительности в голосе, которую Ирина Генриховна не могла не уловить, произнес Турецкий. – Я все прекрасно слышал. И Алевтину с ее сомнениями могу понять. Мужик обещал одно, а на деле вышло другое. И я вполне могу допустить, что он действительно в какой-то момент мог искренне раскаи-

ваться в том, что бросил детей ради соблазнительных ножек. Но вы обе забываете о том, что он именно *бросил* Алевтину из-за этой бабенки, он порвал с ней, как ему тогда казалось, навсегда, в нем бурлила любовь, которая, как ему опять же таки казалось, будет пребывать с ними вечно. Но когда он увидел себя рогоносцем и стал осмысливать понемногу, что сломал жизнь не только Алевтине, но и себе, любимому...

Турецкий махнул рукой.

– Вот он и заметался, как заяц в клетке. Приполз к Алевтине прощение выпрашивать. И я вполне допускаю, что в какой-то момент они действительно подумали оба, что это все искренне, а на самом-то деле... На самом деле он все еще оставался *там*, на Большом Каретном, со своей страстью и тем чувством унижения, которое ему пришлось пережить. И он бы... он бы простил свою любовь, уверяю тебя, если бы она, конечно, подала ему хоть какой-нибудь знак. Он ждал этого, но вместо раскаяния, на которое он, видимо, надеялся все последнее время, очередной мужик в его постели. И как итог... Короче говоря, не выдержали нервишки у мужика. Слабоват оказался в коленках.

Ирина Генриховна прищурившись смотрела на мужа. Наконец разжала плотно сжатые губы:

– Как... как ты так можешь... о Юре? Ведь он был твоим другом. И теперь, когда его нет...

Турецкий пожал плечами:

– Ну, положим, я ничего плохого о нем не сказал, просто

нарисовал психологический портрет униженного женщиной мужика, который, не справившись с раздирающими его чувствами, сначала ее порешил, а потом и себя на тот свет отправил. Это во-первых, а во-вторых... Я лично никогда его другом не был, тем более близким другом. Да, ты с Алевтиной дружила давно, и так уж вышло, что мы стали встречаться семьями, по праздникам друг к другу в гости ходили. Но поверь, это еще ничего не значит.

Слушая мужа, Ирина Генриховна угрюмо кивала. И когда он замолчал, спросила, нахмурившись:

– Значит, ты не веришь тому, что говорила Алевтина?

– Отчего же? – удивился Турецкий. – Верю. Очень даже верю. И тому, что он клялся ей в любви, и тому, что жить без детей не может. И тому верю, что в какой-то момент даже раскаивался в том, что польстился на свежачка. Но вот относительно того, что Алевтина уверяет, будто он не мог стрелять в Марию, а потом и самому себе пустить пулю в лоб, – это уж, простите, оставьте для любовных романов о раскаивающихся мужьях и терпеливых женах.

В глазах Ирины Генриховны мелькнули злые искорки.

– Циник!

– Возможно, – довольно спокойно согласился Турецкий. – Однако к жизни отношусь трезво.

– И ты, значит, продолжаешь верить в то, что Толчев мог совершить подобное?

Турецкий удивленно смотрел на жену:

– А почему, собственно, я не должен верить следствию, а должен верить чувственному наитию убитой горем женщины, к которой якобы пообещал вернуться ее ненаглядный?

В его словах теперь также звучали нотки злости.

– Да потому... потому что она женщина, жена и мать! – повысила голос Ирина Генриховна, на что Турецкий уже более спокойно сказал:

– Ты бы того... чуток потише свой гнев выражала. А то ведь эдак и дочь можешь разбудить.

– Да, конечно, прости, – сразу сникла Ирина Генриховна и уже потускневшим голосом произнесла: – Насколько я понимаю, ты отказываешься помочь Альке?

Теперь уже в глазах Турецкого сквозило сплошное удивление.

– В чем помочь, Ирина?! И чем помочь?

Она, видимо, хотела произнести слово «истина», однако тут же оборвала себя и словно замкнулась, устав от непонимания. Устал от этого разговора и Турецкий. Попытался было приобнять жену, однако она вывернулась из-под его руки, и он, уже начиная злиться, попытался закруглить этот никому не нужный разговор:

– Да ты пойми, Ирка! Следствие закончено, факты убийства и самоубийства налицо, и к этому делу уже никто никогда не вернется, можешь мне поверить. Сегодня днем я разговаривал с начальником следственного отдела прокуратуры.

– Это той прокуратуры, которая...

– Да, той самой! – довольно резко оборвал он жену. – И я не вижу оснований не верить следователю.

– Ну а с Яковлевым ты говорил? Кстати, он тоже сегодня приезжал на кладбище, чтобы проститься с Толчевым.

– Даже так? – удивился Турецкий. – Впрочем, это его личное дело.

Глава пятая

После того как над могилой Толчева поднялся холмик, обложенный венками, и приехавшие на кладбище люди потянулись к кладбищенским воротам, Яковлев подошел к Алевтине Толчевой, которая словно застыла в своем горе, еще раз выразил ей свои соболезнования, попросил ее звонить, если вдруг потребуется в чем-нибудь его помощь, приобнял за плечи Лешку с Женькой и спорым шагом направился к выходу, где его ждала машина.

В МУР возвращался в том самом препаскудном состоянии, когда самому себе становишься противен.

Вопреки здравому смыслу, но, видимо подчинившись окрику «сверху», межрайонная прокуратура закрыла уголовное дело, и он, генерал-майор милиции, начальник Московского уголовного розыска, вынужден был проглотить эту пилюлю. Правда, попробовал было возмутиться, но его тут же поставила на место прокуратура города, указав тем самым, у кого погоны круче и власти больше. Там же напомнили и о том, что не надо мочиться против ветра, себе же в убыток будет.

К этому моменту он уже знал, чьей дочерью была Мария Дзюба и кто конкретно не желал широкой огласки этой истории, дабы падкие до жареной клубнички журналисты не стали копаться в ее белье, чтобы выяснить, что же на самом де-

ле подтолкнуло маститого фотожурналиста разрядить в свою непутевую женушку оба ствола охотничьего ружья. Владимир Михайлович имел все основания предполагать, что отец Марии, Павел Богданович Дзюба, опасался того, что вся эта грязная история с его дочерью несмываемым пятном ляжет на его репутацию. А ради себя, любимого, да спокойствия своей семьи можно и истиной поступиться. Дочь уже все равно не вернешь, а мертвым, как говорится, не больно.

А в том, что в этом деле еще не расставлены все точки над «и» и далеко не все столь однозначно, как хотелось бы представить следствию, начальник МУРа не сомневался. И сомнения эти только усилились после телефонного звонка Владлена Антоновича Бешметова, соседа Юрия Толчева.

Явно взволнованный сосед, что жил этажом выше над мастерской фотокора, клялся и божился по телефону, что уже под утро, когда весь дом спит сладким сном младенца, да и Большой Каретный наконец-то утомился, он слышал явно возбужденные мужские голоса, будто кто-то с кем-то ругался, и характерный шум то ли сдвигаемой, то ли передвигаемой мебели. Прислушавшись к звукам, которые доносились из опечатанной квартиры, он подумал поначалу, что все это просто ночные глюки, навеянные недавней трагедией, а голоса... видимо затерявшиеся в ночи, подвыпившие мужики ведут толковище неподалеку от окон, но, когда прямо под ним скрипнула входная дверь и послышался стук, он уже не сомневался, что кто-то проник тайком в опечатанную квар-

тиру.

Хотел было сразу же спуститься на первый этаж, да побоялся. Однако утром, когда уже ожил весь дом, он все-таки спустился, но... К своему великому удивлению, он увидел закрытую на ключ бронированную дверь проклятой квартиры и нетронутую полосу бумаги на ней.

Печать и подпись – все было в целости и сохранности.

И все-таки после долгих раздумий он решился позвонить в МУР по телефону, который оставил ему капитан Майков на тот случай, если Бешметов вспомнит вдруг еще какую-нибудь деталь вдобавок к своим же показаниям.

Не зная, как воспринимать рассказ довольно пожилого, к тому же больного человека, которому в бессонные ночи может не только прислышаться, но и привидеться все что угодно, вплоть до барабашек в «грязной» квартире, Майков доложил об этом телефонном звонке уже ближе к вечеру, на оперативном совещании, за что тут же получил втык.

«Почему не доложили о звонке Бешметова сразу?» Тон и металлические нотки в голосе Яковлева не предвещали ничего хорошего. По крайней мере, лично для старшего оперуполномоченного и его прямого начальника.

«Так ведь... – замаялся Майков, – Бешметов и сам толком не мог сказать, действительно ли он слышал что-то или же ему это померещилось».

«К тому же, – пришел на помощь своему оперу начальник убойного отдела, – входная дверь оказалась нетронутой».

«Вы что, это лично проверяли?»

«Нет, но как утверждает все тот же Бешметов...»

Яковлев не дал ему закончить:

«Срочно пошлите туда людей, впрочем, лучше будет, если сами займетесь этим, переговорите еще раз с Бешметовым и самолично убедитесь, был там кто-нибудь этой ночью или не был».

«Товарищ генерал...» – попробовал было выдвинуть свою версию Бойцов, однако Яковлев даже слушать его не стал.

«Исполняйте!»

Он еще был на работе, когда ему позвонил Бойцов и сказал, что только что вернулся на Петровку.

«Зайди!» – приказал ему Яковлев.

Доклад начальника убойного отдела был емким, но коротким.

В опечатанной мастерской все вроде бы было чисто, по крайней мере лично у Бойцова не возникло каких-либо подозрений, что прошедшей ночью ее кто-то посещал, тем более двигал мебель, однако сосед сверху продолжал настойчиво утверждать, что все, что он слышал в пятом часу утра, происходило в квартире первого этажа. И если утром, когда Бешметов звонил Майкову, он еще сомневался в этом, то теперь, уже более спокойно проанализировав свои ночные волнения, может утверждать это точно. И это при том, что входная дверь оставалась опечатанной.

«Ну а сам-то что думаешь?» – спросил Яковлев.

Бойцов пожал мощными покатыми плечами:

«Затрудняюсь что-либо сказать, Владимир Михайлович. Сами понимаете, у нас нет оснований не верить Бешметову, и в то же время...»

«Смущает опечатанная дверь?»

«Да».

«Но ведь вместо порванной бумаженции довольно просто наклеить новую. Причем с такой же печатью и подписью по ней».

«Но зачем?»

«Ты что, об этом меня спрашиваешь? – искренне удивился Яковлев. – Впрочем, полковник, ответ напрашивается сам собой. Кому-то в срочном порядке понадобилось провести шмон в мастерской Толчева, возможно, даже порыться в его архиве. И, как мне кажется, они нашли то, что искали».

И снова Бойцов пожал плечами. Возможно, что и так, если, конечно, взять на веру рассказ Бешметова. Однако как ни крути, но все это не играло на трагедию, разыгравшуюся в доме на Большом Каретном, тем более что и уголовное дело по факту убийства Марии Толчевой уже было прекращено.

М-да, начальник МУРа не сомневался, что в этой трагедии еще не расставлены все точки над «и» и далеко не все столь однозначно, как хотелось бы представить это дело следствию. Правда, он и сам не смог бы более-менее четко сформулировать базисную основу своих сомнений, скорее это была глубинная интуиция многоопытного опера, ос-

нованная на его профессионализме, и когда, уже утром следующего дня, секретарша Яковлева сказала, что с ним желает поговорить некая госпожа Турецкая, он даже не удивился этому. Скорее удивился тому, что она позвонила ему не в тот же день, когда хоронили Толчева. Хотя он и просил ее звонить ему в любое удобное для нее время. Хоть домой, хоть на работу.

– Соедините, – потребовал Яковлев и, когда в телефонной трубке послышался довольно приятный женский голос, произнес с наигранным укором: – Чего ж это вы, Ирина Генриховна? Обещали звонить, а сами...

В трубке послышался столь же наигранный вздох.

– Так побеспокоить боялась, Владимир Михайлович. Все-таки государственный человек, на государственной службе...

Оба засмеялись, и Яковлев произнес негромко:

– Хотелось бы, конечно, сделать вам комплимент и сказать, что для вас лично я просто Яковлев, однако, зная вашего Турецкого, а также догадываясь о том, что просто так вы звонить не будете, ненавязчиво интересуюсь: случилось что?

– Переговорить бы хотелось.

– Так в чем же дело?

– Но не по телефону.

– Так приезжайте.

– Когда?

Яковлев покосился на часы:

– Когда... В десять у меня брифинг с журналистами, так

что после одиннадцати, если, конечно, это вас устроит, в любое удобное для вас время.

– В таком случае ближе к трем. У меня как раз последний урок в Гнесинке, и я могла бы подъехать к вам.

– Хорошо, жду. Вас встретят.

Положив телефонную трубку на рычажки, Яковлев с силой потер подбородок и невольно задумался. На Петровку, тридцать восемь, просто так в гости не напрашиваются, и он не сомневался, что у жены Турецкого появилась какая-то потребность переговорить с ним как с начальником МУРа с глазу на глаз, и связано это, судя по всему, опять-таки с трагедией на Большом Каретном. Видимо, не только ему не даст покоя самоубийство Толчева. Впрочем, решил он сам для себя, чего гадать. Турецкая сама все расскажет, и рассказать ей, видимо, есть что.

За те полгода, что Ирина Генриховна не была на Петровке, казалось, ни-че-го не изменилось в просторном кабинете начальника МУРа, и, когда она опустилась в предложенное кресло, ей вдруг показалось, что оно еще хранит тепло ее тела, и даже вспомнила дурманящий, горьковато-терпкий запах свежесваренного кофе, который внесла на подносе секретарша Яковлева.

– Чай, кофе? – предложил хозяин кабинета. – Или что-нибудь покрепче?

– Кофе.

– И парочку бутербродов, – дополнил Яковлев. – Чувствую, что еще не обедали.

Ирина Генриховна только улыбнулась его прозорливости.

Яковлев распорядился насчет кофе с бутербродами и, когда вышколенная секретарша прикрыла за собой массивную дверь кабинета, сам опустился в кресло напротив.

– Прекрасно выглядите, Ирина Генриховна, просто замечательно. Хотел еще вчера сказать вам об этом, но, к сожалению, ситуация не позволяла.

Поначалу она только хмыкнула на это, кивком поблагодарив генерала милиции за ненавязчивый, чисто мужской комплимент, после чего обреченно вздохнула и с тоскливой ноткой в голосе произнесла:

– Льстите, Владимир Михайлович, льстите.

– Да... да вы что? – искренне возмутился хозяин кабинета. – Слово чести.

– Льстите, льстите, – повторила Ирина Генриховна. – Ну а если и выгляжу более-менее ничего, то всего лишь на фоне замордованных проклятым капитализмом французов из парижского предместья.

И засмеялись оба.

Секретарша внесла в кабинет, видимо, уже заранее заваренный кофе с бутербродами, сахар и печенье на тарелочках, составила все это с подноса на стол и, пожелав госте приятного аппетита, словно испарилась в воздухе.

Ирина Генриховна отпила глоток исходящего паром аро-

матного кофе и еще раз убедилась, что хозяин кабинета понимал толк в этом божественном напитке. Надкусила бутерброд с аппетитной «Тамбовской» ветчиной, проглотила кусочек и негромко произнесла:

– Небось гадаете, с чего бы это я в гости к вам напросилась?

– А вот это вы зря, – якобы всерьез обиделся Яковлев. – Лично я всегда рад видеть и вас, и Александра Борисовича. Кстати, как он сейчас? Рана не ноет?

– Да вроде бы все обошлось, по крайней мере, в госпитале обнадежили. А что касается раны... Вы же его знаете. Разве признается, если даже и болит что-то?

Она отпила еще глоток и, будто ей было зябко, сжала ладонями чашечку с кофе.

– А ведь я к вам по делу, Владимир Михайлович.

– Догадываюсь, – уголками губ усмехнулся Яковлев. – В МУР – только по делу или по повестке, а чтобы просто так зайти да кофиём побаловаться, – это увольте, господин хороший. Впрочем, это так, шутка. Я весь внимание.

Слушая довольно сбивчивый, а порой и просто путаный рассказ взволнованной женщины и задавая по ходу рассказа попутные вопросы, Владимир Михайлович думал о том, что не только ему не дает покоя страшная трагедия, случившаяся на Большом Каретном и, видимо, он действительно был прав, когда пытался доказать, что в этом деле слишком

много белых, незакрытых пятен, чтобы отправлять его в архив. Правда, в том, о чем говорила жена Турецкого, было одно существенное «но», за которое сразу же мог уцепиться следователь прокуратуры. Все эти сомнения относительно убийства Марии Дзюбы и самоубийства Толчева не имели под собой фактической основы и строились на домыслах первой жены Толчева, которой он якобы обещал вернуться в семью. И он спросил то, о чем не мог не спросить:

– Вы рассказывали об этом Александру Борисовичу?

Ирина Генриховна обреченно вздохнула:

– Да.

Впрочем, она могла и не говорить это, Яковлев уже и сам догадался, что именно мог ответить старший помощник Генерального прокурора России, однако все-таки произнес негромко:

– И что?

Ирина Генриховна пересказала свой разговор с мужем, который едва не закончился ссорой. Вздохнула, замолчав, и как-то снизу вверх, будто вымаливала что-то, посмотрела на хозяина просторного, светлого кабинета.

– Вы... вы тоже думаете, как Турецкий?

Владимир Михайлович молчал. Надо было давать ясный и четкий ответ, а он не знал, что сказать. Он и сам менее всего верил в выстроенную следователем прокуратуры версию, однако она принята как единственно правильная, и дело было закрыто. Под нажимом отца убитой, который не хо-

тел, чтобы кто-то посторонний копался в белье его дочери, или без такового – это уже не имело значения. И чтобы вернуться к этому делу, требовались весьма веские основания, а их-то как раз у него не было.

То, что послышалось под утро соседу сверху, к делу не подошьешь, как, впрочем, и умозаключения несчастной женщины, которой вдруг показалось, что ее Юра снова вернется в дом, к детям, и они все заживут прежней счастливой жизнью.

Впрочем, сам он поверил в то, что рассказала своей подруге Алевтина Толчева. Поверил чисто интуитивно, хотя и видел ее всего лишь один раз, когда хоронили Толчева.

Ирина Генриховна ждала ответа, а он не мог покривить душой, хотя это и было бы самым разумным с его стороны.

– Нет, лично я так не думаю, – негромко произнес он.

– В таком случае, – воспрянула духом гостья, – вы можете довести расследование до конца?

Владимир Михайлович хмыкнул, и было видно, как дрогнули уголки его губ.

Довести до конца...

Если бы все было так просто!

– Хотите еще кофе? – спросил Яковлев.

– Я хочу знать, можно ли добиться чего в нынешней ситуации.

Яковлев пожал плечами:

– Законное желание, но дело закрыто прокуратурой и от-

правлено в архив.

Он вздохнул и покосился на свою гостью. На нее было больно смотреть. Только что перед ним сидела яркая, умная женщина, которая была уверена в действенной помощи начальника Московского уголовного розыска, и вдруг почти сломленный человек.

– И... и что? – произнесла она. – Ничего больше нельзя сделать?

– Отчего же? – оживился Яковлев. – В жизни не бывает безвыходных ситуаций. Можно провести и частное расследование. Тем более что у вас под рукой агентство «Глория», а вы сами, если я не ошибаюсь, уже должны закончить или заканчиваете...

И он попросил ее напомнить, как правильно называется фирма, о которой она рассказывала ему прошедшей осенью, а он даже пообещал взять ее в МУР на стажировку после окончания учебы.

– Центр эффективных технологий обучения, – напомнила Ирина Генриховна. – Профпереориентация и фактически второе высшее образование, в моем случае – юридическое. Диплом психолога с юридическим уклоном.

– Психология преступника? – уточнил Яковлев.

– С маленьким дополнением. Курс ведет специалист, придумавший технологию, благодаря которой в процессе общения с подозреваемым можно определить, в какой степени тот склонен или не склонен вообще к правонарушениям. В част-

ности, к убийству.

– Даже так?! – удивился Яковлев. – В таком случае вам и карты в руки.

– Но если дело уже закрыто, – засомневалась Ирина Генриховна, – кто же мне предоставит протоколы осмотра и прочее, прочее, прочее? Тот же следователь, который вел это дело, попрет меня так, что... – И по ее лицу скользнула горькая улыбка.

– Ну насчет протоколов и всего остального можете не волноваться, – успокоил ее Яковлев. – Все это вам предоставят опера убойного отдела. А что касается следователя прокуратуры... Будет лучше, если до поры до времени в прокуратуре не будут знать о расследовании, которое ведет «Глория». И ей, родной, спокойнее будет, да и вам тоже.

Яковлев взял со стола пустую чашечку, покрутил ее в руках.

– Вы что, действительно не хотите больше кофе?

– Теперь хочу, – согласилась явно повеселевшая гостья. – И если можно, то пару капель коньяка в кофе.

– Без проблем, – уподобляясь хлебосольному хозяину, развел руками хозяин кабинета. – Кстати, может, по рюмашке? Только без передачи Александру Борисовичу. Застрелит, ревнивец.

– Можно и по рюмашке, – засмеялась Ирина Генриховна. – А насчет моего Турецкого... Ладно уж, бог с ним.

Когда секретарша принесла еще по чашечке кофе и Яко-

влев достал из бара початую бутылку армянского коньяка, Ирина Генриховна напомнила ему об обещании взять ее в МУР на стажировку, когда она получит в своем Центре диплом.

– А я и не отказываюсь от своих слов, – пожал плечами Яковлев.

За это и выпили.

Глава шестая

Предложение Ирины Генриховны сотрудники «Глории» встретили, мягко говоря, безо всякого энтузиазма, дав ей понять, что на «пустышку» никто из них не намерен терять время, однако, когда в агентство позвонил сам Турецкий, буквально сломленный упрямой настойчивостью жены, они нехотя, но все-таки согласились поработать на Большом Каретном. И только Денис Грязнов, являвшийся директором агентства «Глория», категорически заявил, что лично он отказывается подставлять агентство под жернова Московской прокуратуры, да и вообще он уже сто лет не был в отпуске, «а вторая половина апреля и май – это самое подходящее время для Кисловодска, где он намеревается подлечить свой желудок».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.